

**Запись школы общины с Хулианом Карроном
Милан, 16 марта 2016 г.**

Текст: Л. Джуссани. Зачем Церковь. С. 99–108.

- *My Lord, what a morning!*
- *Lascia che il mondo*

Слава

Рассмотрим второй фактор, игравший столь важную роль в понимании Церкви первыми христианами: «общину, проникнутую “Силой свыше”». Мы видели, как они «выражали твердую убежденность в том, что реальное присутствие живого Христа вбирало в себя их жизнь, искупая ее, включая ее в Его собственную, превращая ее в тайну единой совокупности» (С. 99–100). Каждый должен соотнести себя с этими словами: по мере работы на школе общины утвердилась ли в нас убежденность в том, что Христос вбирает нашу жизнь, искупая ее? Какие знаки указывают на это? В какой степени община порождает новый способ говорить «я» и когда мы это заметили? Пребывая в таком месте – в общинной реальности, заметной с социологической точки зрения, христианин сталкивается и со вторым фактором феномена Церкви: «проникнутостью “Силой свыше”». Отец Джуссани говорит о «наличии исключительного измерения в живом сознании первых христиан» (С. 100). Он не просто описывает факты, а настаивает на «твердой убежденности» и «живом сознании», и именно поэтому первое, о чем он говорит, – «сознание некоего факта, способного менять личность» (С. 101). Так как же это сознание возросло в нас?

С некоторых пор мне ясно, что ты настаиваешь на необходимости проверять веру в личном опыте, к которому призван каждый из нас, и я всегда был с тобой согласен – на словах, но не на деле. Мне казалось, это проблема других – не моя, ведь я был заодно с авторитетом, я размышлял, как авторитет, и старался следовать за ним. Короче говоря, я слушал тебя, следовал за тобой и таким образом надеялся чего-то достичь. Поэтому, когда на последней школе общины ты спросил, что объединяет нас, что в действительности собрало нас вместе, кем мы являемся и чем живем, у меня был ответ. Кроме того, я полностью разделял твое мнение о «Дне семьи». Да и вообще обо всем. Однако в этом-то и загвоздка. Оставалась некоторая неясность: у меня был багаж правильных слов и доводов, но мой опыт словно оставался формальностью. А затем события на работе изменили меня. По разным причинам я столкнулся с рядом затруднений, благодаря которым вдруг осознал, насколько мое пребывание на этом месте не само собой разумеется. В сложившейся ситуации на первый план для меня вышел не опыт веры, а попытки стратегически разрешить проблемы, и я понял, что со мной не все в порядке. Так, наконец, вопросы, о которых я говорил раньше, стали по-настоящему моими: кто я на самом деле, что позволяет мне сохранять целостность, чем я живу? С последней школы общины они буквально обжигают меня, и я вижу, как мелочно использую разум, приспособливая его к тому, что удобнее, или как воображаю реальность, вместо того чтобы жить ей, как говорю об опыте, а не приобретаю его. Невозможно притворяться перед самим собой, ведь на карту поставлена не какая-то жизнь вообще, а моя собственная жизнь, моя судьба и мое счастье. И потому я хочу попросить тебя о помощи в понимании того, что значит серьезная проверка веры, каковы ее основные факторы. Прости за такой банальный вопрос, но я только сейчас стал понимать, насколько не привык использовать разум в соответствии с подлинной его природой.

Ты готов начать проверку? Как по-твоему, если оттолкнуться от того, что ты сказал (а не от того, чего не говорил), благодаря чему ты можешь заметить свой рост в свете первого пункта главы, то есть в свете факта, способного менять тебя?

Я лучше узнал самого себя.

И в чем ты это замечаешь?

Раньше мне казалось, что я понимаю и следую, хотя на самом деле...

Пока ты просто признал, что ни в чем не изменился. Отец Джуссани говорит об осознании факта, способного изменить твою личность. Ты в чем-то изменился?

Думаю, да.

И в чем же?

Я начал работу.

Видишь, проблема в том, что ты этого не сознаешь. Ты удивительно четко описал одно изменение. Какое?

Твои вопросы стали моими.

Вопросы стали твоими. По-твоему, этого мало?

Нет, нет!

Общие, отвлеченные вопросы тебя не изменили. Что-то сдвинулось с мертвой точки благодаря принадлежности определенному месту: сказались мое настойчивое подчеркивание необходимости совершать проверку и события на работе, в результате чего мои вопросы стали твоими. Тебя уже больше не злила твоя неспособность оставаться на высоте этих вопросов. Помимо твоей воли они горели в тебе, производя в тебе изменения. Следовательно, твое пребывание в христианской общине меняет тебя. Мы добрались не до конечного пункта, а до «сознания некоего факта, способного изменять личность». Для нас зачастую это все лишь слова, заголовки, о которых мы ведем отвлеченные разговоры. На самом же деле это не так, что ты и признал. Первый шаг на пути проверки веры – заметить, что возросло твое сознание о самом себе и, даже в большей степени, об источнике такого изменения. Это позволяет тебе не только рассуждать об опыте, но и переживать его, и он не зависит исключительно от твоих моралистических усилий – ты уже им живешь! Проблема в том, что опыт не становится в полной мере опытом до тех пор, пока ты не отдашь себе в нем отчета. Часто происходящие события не достигают уровня сознания, и мы задаемся вопросами, не понимая до конца, что с нами творится. Необходимо признать, что ты уже определил фактор проверки. Начало ответа содержится в опыте, который ты переживаешь.

Спасибо.

«Первые христиане хорошо понимали: все, что в них и среди них происходило нового, исключительного, необычайного в сравнении с существованием множества других людей

[озлобленных, полных жалоб, склонных к самобичеванию], – это не плод их выбора, их разума или воли [к которым мы нередко сводим проверку], а дар Духа (С. 101). Ну это уж чересчур, думаем мы. У тебя даже и мысли не возникает, что то, о чем ты рассказал сейчас, может быть даром Духа, ты об этом даже не заикаешься в твоём выступлении. Поэтому-то и не появляется вполне сознательная личность, ведь личность есть сознание о себе, и, если мы не достигаем уровня самосознания, личность не рождается.

В последние недели меня поражает, насколько точно текст школы общины описывает мою жизнь и все, что происходит вокруг. Читая о самосознании первой христианской общины, я не мог не проводить параллель с моим собственным опытом. Особенно меня тронул пункт о «Силе свыше». Я порой замечаю, так скажем, яркие, преизбыточные моменты в отношениях с окружающими и с реальностью, которые отсылают меня к некоему таинственному quid. Приведу два примера, а потом задам вопрос. На работе (я директор школы) мне часто приходится встречаться с людьми: с учениками, родителями, преподавателями. Как правило, мы обсуждаем проблемы, трудности, то, что идет не как надо. Расскажу о двух недавних разговорах. В прошлом году я познакомился с одним девятиклассником. Его мама умерла, отец сидит в тюрьме. Он провалил экзамены, остался на второй год и теперь ведет себя из рук вон плохо. Учителя часто отправляют его в мой кабинет, в общении с некоторыми из них он раздражается и грубит. В последний раз он не хотел возвращаться в класс и просить прощения у преподавательницы за свой проступок, и я решил поговорить с ним начистоту. Я сказал, что мне понятно, почему он зол на весь мир, что знаю о его матери, спросил о его отце, о том, любит ли он его и что они делают, когда встречаются. Во время этого тесного общения я как раз и ощутил такой «яркий», «преизбыточный» момент и продолжил: «Твоя озлобленность – это еще не весь ты, ты не сводишься к твоим ошибкам, ты не неудавшийся подросток. И даже ошибки твоего отца не ставят на тебе крест». Он пристально посмотрел на меня. В завершение разговора я посоветовал ему вернуться в класс и извиниться. Мальчик так и поступил. В последующие дни он улыбался мне и здоровался, снимая капюшон, под которым вечно прячет лицо. Теперь о втором диалоге. Ко мне пришла мама одного ученика, которая выбрала, в какую школу отдать сына-старшеклассника на следующий год. Она мусульманка и ходит с покрытой головой. У ее сына проблемы со здоровьем. Когда директор той школы узнал об этом, он не захотел продолжать разговор – даже по телефону, и женищине просто сообщили, что для ее ребенка места нет. Несколько раз она в слезах повторила, что не знает, почему пришла ко мне: наверное, чтобы рассказать и быть выслушанной. Мы поговорили о ее сыне, и в конце я пообещал молиться о его здоровье. И опять я увидел обращенный на меня пристальный взгляд, полный слез и благодарности. В обоих случаях по окончании диалога я ощущал, что меня переполняют вещи, сказанные моим собеседником, и я искренне признавал в них действие Другого. Однако почти сразу после, как только я возвращался к работе и прочим делам, у меня возникало рационалистическое сомнение: неужели все действительно так? Нет, убеждал я себя, пожалуй, это мой темперамент. Я ведь довольно душевный, сердечный человек, к тому же немного наивный. Став директором, я постоянно испытываю сочувствие к людям и боль от того, что не в состоянии помочь им, мне случается и плакать с другими. Я продолжал объяснять самому себе: дело в полученном мной воспитании – оно «осело» в моем сердце и разуме, став моим. То есть я пытаюсь уложить в обозримые пределы преизбыток, который замечал и замечаю. Поэтому вопрос в следующем: как быть уверенным, что в нас и правда действует «Сила свыше»? Может ли убежденное сознание первых христиан стать нашим?

А ты как думаешь?

Я могу сказать, что заметил во взгляде тех двух людей...

Тебе это не нужно. Что-то предшествует взгляду... Взгляд есть подтверждение, а что ты сказал до этого?

Что я сказал?

Ты сказал, что ощутил «преизбыточный» момент.

Верно.

И это самый первый пункт! Именно в нем – источник того, что поразило твоих собеседников.

Я заметил его в себе.

Ты заметил его в себе, этим все сказано! И именно на это нужно смотреть. Ты сам обеспечил эту «преизбыточность»? Часто мы сразу переходим к взгляду других людей, что, конечно, прекрасно, однако таким образом мы не себе отчета в источнике наших действий, который предшествует любой реакции тех, с кем мы говорим. Поэтому-то часто нам необходимо еще какое-то стороннее подтверждение. Джуссани же постоянно говорил нам, что вера есть живой опыт, «подтверждаемый самим собой». Подтверждение ты находишь прежде всего не в столкновении с другими, а в твоём собственном опыте, в «преизбыточности, которая порождает взгляд, способный взволновать другого. Мы же не придаем этому особого значения, не вполне осознаем то, что в действительности определяет наше самосознание, и в результате ищем сторонних подтверждений. Не находя же их...

Мы сдаемся.

Сдаемся, со всеми вытекающими последствиями: жалобами, неуверенностью, страхом. Итак, первый шаг: заметить факт. Второй: признать, что этот факт настолько присутствует в настоящем, что порождает определенный взгляд (он не возникает сам собой). Как тогда текст школы общины помогает тебе ответить на твой вопрос? Почему описанные тобой факты, «преизбыточность», которую ты ощущал в себе, не придавали тебе уверенности? «Сегодня человек перед Иисусом Христом так же, как и две тысячи лет назад», нет никакой разницы, и, как и тогда «никакое знамение не сможет обязать свободного человека шагнуть навстречу предложению Христа с лицом, открытым, как у ребенка, а не с осторожностью и подозрительностью, характерными для взгляда многих взрослых» (С. 107–108). Иначе говоря: никто не избавит тебя от твоей свободы. Мы же, когда задаем подобные вопросы, втайне надеемся, что наша свобода в силу каких-то фактов вдруг станет ненужной, излишней. Так было и во времена Иисуса, Которого просили: «Дай нам знак, чтобы нашей свободе не приходилось решать». Слава Богу, таких знаков просто не существует! У тебя уже есть все, что тебе необходимо. Проблема в том, открыта ли наша свобода, как ребенок, или же осторожна, как взрослый, в котором, как ты хорошо выразился, господствует рационалистическое сомнение. Но может ли подобное сомнение устранить из моей жизни то, что со мной произошло? Стоит хорошенько об этом подумать. Может ли оно свести на нет преизбыточность, которую я ощутил? Способно ли сомнение перечеркнуть тот факт, что ты сейчас находишься передо мной?

Нет.

Сомнение не в состоянии перечеркнуть факт, но все-таки нужна и свобода, чтобы признать или не признать его. Без свободы не возрастает наше самосознание, поскольку, как говорит Джуссани, в отношении со Христом нет ничего механического. И все же мы лелеем образ какой-то неоспоримой очевидности, избавляющей нас от свободного выбора. Так просто не бывает! Все знаки тебе уже даны. И нужно решить, прибегать ли к ним. В ход может пойти даже наше сомнение: используй его, чтобы разобраться, где истина, а где нет. Не упускай шанса, не погружайся в сомнение, не разрешив его! В этом и состоит твое «да»: следовать за происходящим и не оставлять сомнения неразрешенными (так они лишь укрепляют неуверенность).

Спасибо.

Несколько дней назад я поехала на каритативу, которую мы проводим примерно в двадцати минутах пути от моего университета. Я была за рулем. Вдруг меня останавливает полиция – обычная проверка. Полицейский, попросивший у меня документы, был рассержен, его явно раздражали даже те две секунды, которые мне понадобились, чтобы найти удостоверение личности. Мне не хватало одной обязательной бумажки, и я позвонила моему отцу и спросила, как мне дальше действовать. Пока я говорила, полицейский отошел от машины. Тогда я направилась к нему и попыталась объяснить ситуацию. Он сказал: «Хорошо. Не тратьте больше мое время, давайте заполним заявление». Тут он стал задавать мне вопросы о том, где я живу и так далее. Неожиданно, спросив адрес и код налогоплательщика, он сказал: «Простите, я должен задать вам вопрос». – «Да, пожалуйста». – «Вы верующая?» Вопрос меня удивил, и я ответила: «Да». – «А какая именно верующая? Католичка?» – «Да, я католичка». Тогда полицейский повернулся к своему напарнику и сказал: «Я же тебе говорил. Посмотри, какое у девушки красивое лицо, чистое, такое настоящее. Сразу видно, верующая». Я несколько смутилась и продолжила отвечать на вопросы о номере автомобиля и так далее. Затем я повернулась к моей университетской подруге, которая тоже была в машине, и попросила сообщить другим, что мы опаздываем на каритативу. Полицейский опять обратился ко мне: «А куда вы направляетесь?» – «Мы друзья по университету и едем в одно место, где занимаемся своего рода волонтерской работой – каритативой. Мы помогаем с уроками ребятам из средней школы». Это произвело на него сильное впечатление: «Невероятно! В мире все еще существуют подобные вещи, молодые люди еще таким занимаются!» А другой полицейский, взглянув на меня, добавил: «Ни в коем случае не бросайте это дело! Очевидно, что лицо, как у вас, бывает только благодаря таким прекрасным делам». И они извинились, что задержали нас. Вначале одного из них раздражало, что из-за меня он теряет время, а теперь он просил прощения, что отнял время у меня, пока я ехала на каритативу! Они отдали мне документы. Я вернулась к машине и начала рассказывать подруге о том, как изменилось отношение полицейских, и тем временем нам удалось выехать на кольцевую дорогу. Вдруг мы замечаем, как та же самая машина, что остановила нас раньше, снова приближается. Я говорю: «Не повезло тем, кто за нами, сейчас и их остановят». Однако остановили меня! Я подумала: «Что же я такого сделала?» Запыхавшийся полицейский прошел ко мне прямо среди объезжавших его машин и сказал: «Дайте мне, пожалуйста, документы еще раз. Мне нужно добавить данные». Я ему: «Спасибо». – «Удачи вам, удачи во всем! Приятно было познакомиться». Я опять вернулась в машину. Моя спутница никак не могла прийти в себя: «И это всего за семь минут!» Она всю дорогу повторяла: «Семь минут!» То есть понадобилось семь минут, чтобы полицейский стал другим человеком. Для меня этот факт оказался важнейшим шагом на пути к большему самосознанию, о котором говорилось раньше. Удивление и изменение того полицейского заставили меня взглянуть на саму себя, словно я была как-то странно одета. Что во мне

такого? Что позволило совершенно незнакомому человеку всего за семь минут не только заметить мою инаковость, но и дойти до ее истока – моей веры? Он не глупый – сразу понял. Ты часто говоришь: другие люди мгновенно понимают, что причина не в наших выдающихся способностях, не в темпераменте, а в вере. И еще ты часто задаешь вопрос о том, в чем суть свидетельства. Для меня было очевидно: она не в наших усилиях, а в том, чтобы дать пространство тому пламени, что горит в моей жизни, меняя меня настолько глубоко, что человек, встречающий меня, чувствует соответствие своему сердцу и тоже меняется.

Чем мы так отличаемся, что другие люди, глядя на нас, всего за семь минут могут настолько перемениться, чтобы даже задать вопрос о источнике нашей инаковости? Мы неоднократно повторяли в последнее время: часто именно окружающие говорят, что мы не похожи на остальных, и таким образом побуждают нас проверять то, о чем говорится в тексте школы общины, как бы подтверждая его содержание. Они словно спрашивают: вы хоть понимаете, что являетесь такими не сами по себе, а из-за того, что вы в себе несете? «Вы верующая?» – полицейский выдвинул такое предположение, поскольку не в состоянии был объяснить увиденное с рационалистической точки зрения. И это поразительно! Даже сердитый, раздраженный человек способен вдруг свидетельствовать нам об открытости, о детской простоте во взгляде, какой у нас может и не быть. Это еще раз подтверждает то, о чем мы читаем на школе общины: «Мы не в силах вообразить весь масштаб битвы, борьбы, переворота, который Иисус Христос [обратите внимание: Он, а не мы!] должен был произвести в умах, в сердцах, в устоявшемся течении жизни, явив Свое присутствие в мире. История Христа среди нас должна была утвердиться необычайностью результатов, исключительной способностью, которая в Евангелии называется “чудом”» (С. 106–107). Можно ли такое объяснить лишь с рационалистической точки зрения?

Я врач и хочу рассказать о том, что недавно произошло со мной на работе. В наше отделение перевели недоношенного младенца с серьезными проблемами. Его родители сразу же заявили, что против агрессивной терапии. Они надеялись забрать домой полностью здорового ребенка и не хотели, чтобы у их старшего сына появился тяжело больной брат. Малышу удалось преодолеть критический момент без каких-либо чрезвычайных мер, однако с каждым днем его мать все настойчивей спрашивала, будет ли он нормальным, нет ли причин думать иначе. Так продолжалось до тех пор, пока на одном осмотре и правда не выявилось развитие мозговой патологии, характер которой, однако, еще нельзя было с точностью определить. Разговор с родителями получился крайне тяжелый, чем больше я смотрела на мать, тем сильнее ощущала замешательство, раздражение и возмущение. Я не понимала, как женщина, держащая на руках такого кроху, может быть настолько циничной и бесчувственной, словно все зависит исключительно от здоровья – ее собственного или ее ребенка. Моя реакция стеной вставала между мной и матерью, хотя чем, собственно, я была лучше – я, так часто оказывающаяся заложницей моих планов относительно моего мужа и моих детей... В последующие дни я старалась избегать встречи с этой женщиной, не входить в ее палату – настолько я злилась на нее (а может, мне просто было страшно оказаться лицом к лицу с ее страданием). Каждый раз, обсуждая с коллегами эту ситуацию, я ощущала в себе бесконечную тревогу. Потом была школа общины, на которой ты сказал нам: «Несложно сказать: “Я прекрасно знаю, что нас избрал Бог”, – но ведем ли мы себя в соответствии с подобным заявлением? Как видите, чтобы такое сознание преобладало в нас, недостаточно иметь в руках текст школы общины, правдиво описывающий здоровые взгляды отца Джуссани». В тот момент я поняла, что проблема заключалась в моем самосознании: я знаю, что избрана Богом, я принадлежу «Обществу и освобождению», церковной общине, и все же не способна смотреть на ту женщину или говорить на ее языке. Во мне поднимался

вопрос, который помог мне углубить работу над текстом школы общины. Джуссани говорит, что о даре Духа нужно просить, молить. И мое сердце взмолилось о том, чтобы я смогла увидеть Его в лице той женщины, чтобы те обстоятельства обрели для меня смысл. На следующий день я вошла, наконец, в ее палату и спросила, как дела. С этого единственного моего вопроса начался долгий разговор, на протяжении которого я не раз приходила в волнение. В диалоге выявился не цинизм моей собеседницы, а все ее неискоренимое желание быть матерью и ужас от мысли, что ее жизнь и жизнь ее старшего сына может пойти прахом из-за болезни малыша. Тогда я впервые поставила себя на ее место, а потом рассказала, как смотрю на собственных детей: чем дальше, тем все очевидней становится, что они не такие, какими я их себе воображала, и что я не умею их любить. Она же ответила, что ее проблема не в том, кем станет ее ребенок, врачом или дворником, а в том, будет ли он в состоянии свободно решать, чем заниматься, не мешает ли ему в этом болезнь. Я сказала: счастье детей прежде всего в том, чтобы ощущать себя любимыми и видеть в родителях уверенность в положительности жизни, в том, что жить стоит. Так мы дошли до сути вопроса, поскольку в тот момент она призналась, что как раз такой уверенности у нее и нет и именно поэтому будущее так пугает ее. Мне удалось ответить ей только одно: в одиночестве никто не может достичь подобной уверенности, на пути к ней любому из нас необходима поддержка. Чтобы убедиться в возможности быть счастливыми, я предложила ей встретиться с семьями, с родителями, которым пришлось столкнуться с такой же проблемой, которые воспитывают особенных детей. Пока я это говорила, в памяти возникали лица моих друзей, живущих таким опытом. Мое предложение воодушевило ту женщину. Я пообещала ей, что по возможности тоже буду сопровождать ее на пути. Я не знаю, как будет развиваться история этой мамы, примет ли она своего ребенка, поправится он или нет. Но я вышла из ее палаты с сердцем, полным любви и желания блага для нее и для него, с сердцем, полным радости; я больше не чувствовала тревоги и не должна была перечеркивать ту часть реальности, которой была не в состоянии смотреть в лицо. Такое переживание работы приносит в сто раз больше удовлетворения. И самое важное: благодаря той маме и ее малышу, которые еще пока не выписались из больницы, я постоянно задаю себе вопрос о том, стоит ли действительно жить и ради чего, я вновь и вновь молю Духа Святого удержат меня от цинизма, от желания спрятаться, избежать страданий. В моей жизни куча проектов, но из них мало какие осуществляются, и моя работа постоянно заставляет меня задаваться вопросом о смысле жизни. На этом пути я по-настоящему нуждаюсь в поддержке и воспитании и потому говорю тебе спасибо.

Помоги нам понять, какие знаки в твоём свидетельстве указывают на изменение, произошедшее в тебе благодаря твоей принадлежности Церкви. Их просто необходимо уловить, иначе наши разговоры лишены конкретности.

Я на опыте убедилась, что существует возможность жить в данной мне реальности...

Только возможность?

Я смогла использовать ее и была довольна.

Ты так просто не отделаешься. Скажи, в чем ты заметила, что довольна! Если мы не доходим до этого, школа общины становится абстрактной. Первый признак, исток чуда – тот факт, что человек просит, молит о даре Духа. Ты с него начала. Он может показаться незначительным, однако именно через него присутствующий Христос способен распахнуть тебя навстречу реальности, в которой раньше тебе не удавалось действовать, которую ты в силу спонтанных

реакций хотела бы игнорировать. В определенный момент принадлежность Церкви делает изменение возможным в опыте. И это удивительно! Первый знак – просьба. Какой второй?

Движение моей свободы.

Действительно, ты настолько изменилась, что смогла войти в палату, и тебе не пришлось предпринимать для этого особых усилий. Третий знак – отождествление себя с другим человеком, с той мамой. Наш вклад в жизнь мира, наша способность замечать его раны, которые есть и у нас, зависят от проверки того, чем мы живем. Если мы не совершаем проверку, то не заметим нужду женщины, стоящей перед нами, и не поймем суть ее вполне человеческой проблемы, не осознаем, что ее страх рождается от недостаточной уверенности. Ты не понимала, и поэтому общение с ней возмущало тебя. Без события, происходящего в настоящем и вновь открывающего нам глаза, мы на все смотрим неправильно, на все, даже на наше возмущение, так как начинаем приписывать другим то, что на самом деле связано исключительно с нашей неспособностью видеть все факторы. Как раз в этом нам на помощь и приходит Дух Святой, и Его действие оставляет нас без слов! Вот почему так важен путь, который мы призваны проделывать: прежде всего для нас самих (без него наша жизнь разделена на фрагменты: с одной стороны Движение, а с другой – сложности на работе), а потом уж и для всех остальных. Проверка веры имеет культурное и историческое значение, она оказывает влияние на то, как мы живем.

Оттолкнись от твоего текста «Подлинное присутствие», опубликованного в мартовском номере журнала «Трассе». Ты, без сомнения говоришь поразительные вещи. Многие из нас остались под впечатлением от твоего ясного и глубоко суждения. Однако больше всего меня поражает проделанный тобой путь, то, как ты подошел к обстоятельствам, которые сейчас переживает Движение. Для меня происходившее было лишь хаосом, для тебя – возможностью. Ты в очередной раз повторил нам: «Если Тайна не избавляет нас от каких-то обстоятельств, значит, они даны для нашего взросления» (Х. Каррон. Подлинное присутствие. С. 1). Я повторяю эту фразу, а ты ей живешь. И поэтому тебе удалось начать путь, на который никто из нас – ну, или, по крайней мере, я – не вступил. Ты шел до самой сути, даже когда утихли политические дебаты о гражданских союзах и можно было бы отвлечься от этой проблемы. Ты же решил принять ее всерьез, посмотреть, как никто другой не смотрел, спросить, чего она требовала от тебя и от всех нас. Ты перечитал слова Джуссани, сказанные в подобной ситуации, тебе захотелось проверить, насколько они связаны с нашими нынешними обстоятельствами, и таким образом дойти до суждения. Ты обратился к истории Церкви, к Евангелию и так далее. Кто из нас сделал то же самое? Мне кажется, именно в этом и заключается проверка веры, которая играет важнейшую роль в личностном росте каждого из нас. В жизни всегда найдутся обстоятельства, бросающие нам вызов: на работе, в отношениях... И если мы не понимаем, в чем состоит новизна, которую вера приносит в нашу жизнь, помогая смотреть на все иначе, то нам конец. Думаю, люди, считающие, что они «на твоей стороне», многому могут научиться у случившегося. Ты часто говоришь об опасности быть «карроннианцем», ведь есть риск удовольствоваться тем, что всю необходимую работу уже проделал ты, и самим к ней не приступить. Но чем мы отличаемся от тебя? И почему ты проделываешь эту работу? Потому что ты главный? Нет. По-моему, ты проделываешь ее из-за веры, подсказывающей тебе, что обстоятельства – это возможность для тебя что-то понять. Не поступая так же, мы совершаем самое настоящее преступление (во всяком случае, я вижу в этом преступление по отношению к себе), поскольку не возражаем в вере, не взрослеем в ней и довольствуемся тем, что работу за нас проделываешь ты. Взять, к примеру, «Первую страницу»: ты поставил

проблему, и теперь мы можем размахивать твоим текстом, как флагом, перед другими. Но какую работу проделала я? Как я возрастаю в вере? Ограничивая себя подобным образом, мы в конце концов растеряем все то, чему учил нас Джуссани и чему продолжаешь учить нас ты. С тех пор, как я это поняла, я каждый день прошу Духа Святого, чтобы Он даровал мне способность действительно следовать за тобой. В настоящий момент я ничего не желаю больше этого. И я благодарна, что именно сейчас мы читаем на школе общины о «Силе свыше», ведь содержание главы с очевидностью проявилось для меня в твоём тексте. Я не могу читать его и не думать о том, что говорит Джуссани: «Пророк – это тот, кто возвещает смысл мира и значение жизни. Сила пророчества – это сила знания о сущем, не свойственного человеку, но исходящего свыше» (Зачем Церковь. С. 105).

Спасибо. На мой взгляд, ты отлично описала, что для всех нас поставлено на карту в этой проверке. Я совершаю проверку для меня, я совершаю ее, потому что просто не могу иначе. Я мог бы пренебречь ей, как ты сказала; было бы куда проще скомандовать: «Все в Рим!» Однако я решил бросить вызов каждому и призвать к личной проверке. Мне было хорошо известно, на что я шел, но меня не заботит, нравлюсь ли я другим людям или самому себе, мне интересно совершать личную проверку. Я рискнул, чтобы проверить, насколько мои соображения соответствуют стоящим перед нами вызовам, я предпринял попытку, не претендуя на то, что она правильна. Именно поэтому я предложил всем совершить проверку в личной жизни. Текст, опубликованный в *Tracce*, – результат моей проверки. Я не хочу излагать вам доктрину, которую вы потом сможете повторять, я приглашаю каждого из вас проверить для себя то, что я говорю. В противном случае у нас не будет ни собственного лица, ни убедительных доводов, ни уверенности. Знак того, что Христос не является лишь воспоминанием из прошлого, а присутствует здесь и сейчас, – как раз в возможности убедиться в неотъемлемости веры от жизни и ее потребностей. Если же я этого не делаю, то буду только повторять «уже известное», чувствуя в глубине души, что потерпел поражение. Ничто не мешает нам совершать проверку. В завершение расскажу вам о нашем друге, враче по имени Франческо Боин, который работает в Сан-Франциско. На работе ему приходится сталкиваться с серьезнейшими вызовами и быть крайне бдительным: любое вмешательство в сознание других людей может закончиться конфликтом. И все же Франческо говорит: «Разделение жизни все меняет, в том числе и с медицинской точки зрения». Первое, что требуется от меня, – самому отвечать на раны, наносимые мне реальностью». Только если человек совершает личную проверку, ему удается достойно жить в нашем мире. «Настоящая культурная битва состоит в том, чтобы отталкиваться от полноты жизни. Моя задача – открыться притягательности, которой реальность наделяет мои дни, удивлению перед тем, как Иисус отвечает на мою нужду. <...> Я могу свидетельствовать другим людям, если они видят во мне воплощение того, что сами ищут». Это как раз та уверенность, о которой мы сегодня говорили. Однажды коллега сказал Франческо: «Я должен спросить тебя кое о чем. Пойми меня правильно: у тебя нет жены, нет мужа, но в твоей жизни совершенно точно есть какая-то незыблемая опора. Что же тебя поддерживает?» У людей не может не возникнуть подобный вопрос, и пробудить его весьма сложно, поэтому для нас это бесценная возможность рассказать им о наших корнях. «Кто Сей?» Или две тысячи лет спустя: «Что тебя поддерживает?»; «Вы верующая?» Франческо ответил: «Я католик, и мой опыт веры заключается во встрече с Присутствием, настолько живым и настолько притягательным, что я решил отдать Ему всю мою жизнь. Моя опора – это отношение», отношение со Христом. Тогда коллега сказал ему: «Благодарю тебя. Именно чего-то такого мне и недостает». Вот так мы и должны жить в мире. Вопрос в том, помогает ли нам текст школы общины еще больше осознать это. И если да, то как это выражается? Господствует ли во мне Его присутствие, когда

я просыпаюсь? Заметили ли мы с удивлением, как Он действует среди нас – не факт из прошлого, не благочестивое воспоминание, а Кто-то присутствующий, наполняющий нас, наполняющий всю нашу жизнь Своим присутствием? Если нет, то факты, о которых мы рассказываем, не в состоянии породить в нас более глубокое сознание. И тогда правы те, кто считает, что невозможно сейчас иметь сознание первых христиан. У нас нет недостатка в фактах, но порой не хватает сознания о том, о чем эти факты свидетельствуют. И потому Тайне приходится время от времени даровать нам других людей, которые спрашивают нас о наших корнях, позволяя нам вновь стать сознательными.

Следующая школа общины состоится 25 мая. Мы пропустим встречу в апреле из-за *духовных упражнений Братства*. Продолжим работу над последним пунктом главы «Три составляющих фактора», а затем приступим к Введению упражнений, имея в виду следующий вопрос: что меняется в нашем понимании Церкви, в том, как мы живем Церковью и Движением? Что меняется в нашем понимании общения, отношения между онтологией и этикой, между общиной и авторитетом, когда мы читаем третий пункт главы? Все перечисленные в нем факторы требуют от нас изменения сознания. Как мы видим, школа общины приносит плоды в том случае, если мы каждый день сопоставляем то, о чем читаем, с тем, чем живем. Благодаря этому в нас углубляется сознание. Как сказала наша подруга: достаточно и одной фразы, чтобы по-новому воспринять ситуацию на работе. Достаточно и одной фразы. Если содержание школы общины не сопровождает нас, когда мы входим в реальность, то все сводится к нашим комментариям. Но какой тогда в ней толк? Так она никогда не сможет по-настоящему нас заинтересовать. Интересной школа общины становится, когда человек видит, что меняется. Такое постоянное сопоставление расширяет наши горизонты и делает нашими мысли Джуссани, подтверждая их затем на опыте происходящими событиями.

«Первая страница» мартовского номера журнала *Tracce* содержит текст моего выступления на встрече ответственных Италии. Он может стать помощью в суждении о современных вызовах. Как я уже говорил, это знак той работы, которую я проделал и о которой сказала наша подруга, знак дружбы, который, если для вас в нем нет никакой пользы, вы можете выбросить в мусорное ведро. Я призываю вас прочитать этот текст и предложить его вашим друзьям.

Veni Sancte Spiritus

10

Buona Pasqua a tutti!